

ЮГОСЛАВСКИЙ МЕТАНАРРАТИВ И СОВРЕМЕННАЯ ЮГОНОСТАЛЬГИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНЫХ БАЛКАН¹

Д. В. Ефременко

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 50/21

Е. Ю. Мелешкина

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 50/21;
Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

В статье рассматриваются особенности югославского метанарратива и его трансформации, деятельность мнемонических акторов по его формированию и использованию его отдельных элементов после распада СФРЮ. В качестве аналитического инструмента применяется концепция метанарратива, под которым понимается механизм трансляции идеологических элементов прошлого в повседневную реальность и репрезентации норм и ценностей, имеющих конституирующее значение для политического режима, при помощи определенного набора символических средств. Подобно метанарративу в СССР, югославская модель была ориентирована на достижение высокой степени политико-идеологического контроля общественного мнения либо на его подмену директивными идеологическими установками. В рамках этой системы социальная коммуникация и общественные дебаты не могут в полном объеме выполнять функцию развития национального самосознания и формирования новых фреймов для интерпретации политических проблем. Метанарратив способствовал формированию и укреплению нескольких типов идентичностей, включая тождественность представителей титульных наций и национальных меньшинств. Разрушение данной модели означало невозможность сохранения ее целостности, отмирание многих составляющих, но выживание других компонентов, которые могут сохранять свое значение для тех или иных типов идентичности. В статье показывается, как деятельность мнемонических лидеров республик бывшего СФРЮ по формированию и воспроизводству позитивного или негативного восприятия прошлого влияет на формирование различных конкурирующих проектов национальной самоориентации и их конфигурации в настоящем. Выявляются особенности югоностальгии, обуславливающие возможности их использования различными политическими силами. Делается вывод о том, что вари-

---

¹ Исследование выполнено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662 «Формирование национально-государственной идентичности и выбор геополитической ориентации в странах, возникших после распада Югославии: сравнительное исследование») в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

ативность отношения к югославскому социалистическому прошлому и его использования в политической риторике в странах Западных Балкан связано с особенностями этнических и религиозных размежеваний, ролью бывших союзных республик в составе СФРЮ, довоенной Югославии и других государственных образований, историей получения независимости и последующего развития.

Ключевые слова: метанарратив, социалистическая Югославия, политика памяти, югославизм, новый югославизм, югоностальгия, титостальгия, символическая политика.

Становление национальных государств неразрывно связано с формированием определенного восприятия исторического прошлого той территории, где происходит развитие нации. Память о прошлом становится при этом неотъемлемой частью макрополитической идентичности формирующегося сообщества. Процесс консолидации макрополитической идентичности оказывается значительно более сложным и внутренне противоречивым в государственных образованиях (признанных мировым сообществом, непризнанных или признанных частично), возникших в результате распада многонациональных политий, таких как Советский Союз или социалистическая Югославия. Несмотря на то что новые независимые государства в значительной степени отличаются друг от друга по ряду характеристик, их объединяет нерешенность задач формирования нации, опыт существования в составе больших государственных образований и ностальгия части населения по тем временам.

Невзирая на присутствие ряда имперских черт организации власти в СССР и СФРЮ, эти политии нельзя рассматривать в качестве классических многонациональных империй. В обоих случаях речь идет о потерпевших историческую неудачу проектах государственного строительства, инициаторы которых заявляли о выполнении интернациональной миссии, основанной на коммунистической идеологии. В рамках каждого из этих проектов шло формирование особой макрополитической идентичности, в которой важную роль играли наднациональные и идеологические составляющие. Отношение к этому наследию и историческому опыту, их использование в символической политике новых независимых государств в ряде случаев играет очень значимую роль в продолжающихся процессах конструирования и консолидации наций. Речь, таким образом, идет о сложном феномене, комплексное изучение которого требует использования различных аналитических инструментов и подходов². Мы обратимся к работам австралийского исследователя Г. Гилла (G. Gill), который ставит задачу реконструкции советского метанарратива. Сам Гилл определяет метанарратив как совокупность «дискурсов, в упрощенной форме представляющих идеологию» [Gill, 2011], но, по сути, у Гилла речь идет не только о редуцированных коммунистических идеологемах, но о целом механизме их трансляции

---

² Сегодня мы сталкиваемся с очевидным дефицитом качественного научного инструментария, пригодного для анализа советской и югославской макрополитической идентичности в ракурсе символической политики и политики памяти. В методологическом отношении достижения, новации и проблемы таких исследований обстоятельно проанализированы в работах О. Ю. Малиновой [Малинова, 2018].

в повседневную реальность и репрезентации норм и ценностей, имеющих конституирующее значение для политического режима, при помощи определенного набора символических средств (язык, визуализация, физическое окружение, ритуалы). Метанарратив выступает средством экспликации континуума «прошлое — будущее», тем самым включая в себя исторические нарративы и лежащие в их основе смыслопорождающие мифы.

Для понимания конфигурации пространства коллективной памяти в СССР и СФРЮ, а также в новых независимых государствах, возникших после их распада, представляется особенно важным анализ публичной повестки дня и деятельности тех, кто «делает память» (*memory makers*; в отличие от «потребителей памяти» — *memory consumers* [Kansteiner, 2002, p. 180]), или мнемонических лидеров. Важно учитывать, что индивидуальная память быстро стирается, а воспоминания возникают тогда, когда коммуникативная активность мнемонических акторов помогает «вспомнить» [Rekšć, 2016], или гальванизировать, те элементы метанарратива, которые могут быть востребованы в изменившемся социально-политическом контексте. Поэтому анализ деятельности мнемонических лидеров по формированию и воспроизводству позитивного или негативного восприятия прошлого важен для понимания различных конкурирующих проектов национальной идентичности и их конфигурации в настоящем.

Действия этих акторов, наполняющих исторические факты специальным символическим значением, определяются конкретными политическими интересами или идеологией, с которой они себя идентифицируют [Rekšć, 2016], и контекстом, в котором они действуют. В связи с этим адаптация фреймов памяти может сопровождаться отбором, позиционированием и замалчиванием [Jusić, 2008, p. 54–58], поэтому коллективная память в целом селективна и подвержена манипуляции.

В статье рассматриваются особенности югославского метанарратива и его трансформации, деятельность мнемонических акторов по его формированию и использованию его отдельных элементов после распада СФРЮ.

РАННИЙ ЮГОСЛАВИЗМ

Очевидно, что изучение метанарративов продуктивно не только применительно к опыту СССР. Не рассматривая в данной статье советскую модель³, мы обратимся к другому, не менее интересному казусу — к югославскому коммунистическому метанарративу. В случае социалистической Югославии можно говорить о наличии метанарратива, имевшего много общих черт с метанарративом советским и одновременно существенно от него отличавшегося.

Предварительно мы можем выделить несколько общих особенностей: а) высокая степень идеологической индоктринации; б) наднациональный характер государственности и подчиненная роль факторов этничности в отношении декларируемых политическим режимом задач государственного строительства;

---

³ См. подробнее в: [Севастьянова, Ефременко, 2020].

в) ограничение вплоть до полного подавления / жесткое регулирование властью дискуссий об историческом прошлом и развитии нации (наций).

Следует обратить особое внимание на последний пункт. Речь идет о политических системах, ориентированных на достижение высокой степени политико-идеологического контроля общественного мнения, либо на его подмену директивными идеологическими установками. Иначе говоря, это модель, в рамках которой социальная коммуникация и общественные дебаты не могут в полном объеме выполнять функцию развития национального самосознания и формирования новых фреймов для интерпретации политических проблем [Art, 2006]. Формируемый и насаждаемый сверху метанарратив заполняет вакуум, возникающий при ограничении общественных дебатов. Но оборотной стороной этого процесса становится пагубность даже относительно свободной и продолжительной публичной дискуссии (если режим в силу тех или иных обстоятельств решается ее допустить) для целостности и устойчивости метанарратива.

Как уже отмечалось, помимо сходства между советским и югославским метанарративами существуют и значимые отличия. Первое и наиболее явное — значительно более давняя история югославской идеи (югославизма), связанная с борьбой за эмансипацию народов Западных Балкан, находившихся в составе имперских образований. Иначе говоря, югославизм изначально не являлся конструктом, выстроенным вокруг идеологии социального противоборства. Прямым предшественником югославской идеи был иллиризм 30–40-х годов XIX в., подъем которого на территории входивших в состав Австрийской империи Хорватии и Славонии был связан в первую очередь с противостоянием мадьяризации. Иллиризм как культурно-языковое и политическое движение стал значимым фактором консолидации хорватской нации, но его политическая программа выходила далеко за географические пределы Хорватии и Славонии под имперской короной Габсбургов. Идея «Великой Иллирии» предполагала достижение культурно-языкового единства южных славян (важным шагом в этом направлении была предпринятая одним из лидеров иллиризма Л. Гаем реформа хорватского правописания, сблизившая его с сербским языком), которое, в свою очередь, могло стать основой их политического единства.

Югославская идея в начале второй половины XIX в. продолжала свое развитие в пределах современной Хорватии прежде всего благодаря усилиям католического епископа Й. Штроссмайера. Он, в частности, внес важнейший вклад в утверждение термина «югослав» для обозначения общности хорватов, сербов и словенцев взамен отсылок к канувшей в Лету древней Иллирии, недолговечным иллирийским провинциям в составе наполеоновской империи и Иллирийскому Королевству как административной единицы Австрийской империи (1816–1849). Вскоре интерес к югославской идее стал расти и в Сербии, хотя еще в «Начертании» И. Горошанина (1844) задача освобождения южных славян начинала рассматриваться в качестве пролога к созданию Великой Сербии. Но тогда же в Хорватии А. Старчевич и его последователи приступили к формированию хорватского националистического нарратива, жестко противопоставляющего сербов и хорватов и ориентированного на создание Великой Хорватии (включающей также территории современных Словении, Боснии и отдельные

части Сербии). Тем не менее, в контексте развития международного кризиса на Балканах и его перерастания в Первую мировую войну, наиболее существенную роль сыграл югославизм как концепция государственного объединения сербов, хорватов и словенцев (с присоединением к этому государству Черногории). В воюющей Сербии на официальном уровне эта концепция была изложена в Нишской декларации 7 декабря 1914 г. и вновь подтверждена в декларации Корфу 20 июля 1917 г. Однако фактическое развитие событий после создания Королевства сербов, хорватов и словенцев (1 декабря 1918 г.) и его преобразования в Королевство Югославия (6 января 1929 г.) характеризовалось ростом напряженности между политическими силами, представлявшими различные этнические группы [Bulatović, 2003, p. 255–256]. Хотя Видовданская конституция (1921) провозглашала сербов, хорватов и словенцев тремя племенами единого югославского народа [Конституции..., 1936, с. 46–72], а король Александр I Карагеоргиевич прилагал немало усилий для преодоления углубляющегося раскола, влиятельные хорватские и словенские политические силы все более решительно выступали против «сербского доминирования». Установленная королем диктатура (1929), ориентированная на форсированное строительство югославской нации и внедрение «народного единства» политико-административными методами, антагонизм лишь усиливала. Политические убийства (в особенности лидера Хорватской крестьянской партии С. Радича в 1928 г. и короля Александра в 1934 г.) и террор боевиков-ушастей способствовали дальнейшему росту напряженности и выхолащиванию идеи югославизма под эгидой королевской власти.

ЮГОСЛАВСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МЕТАНАРРАТИВ

Нападение держав Оси на Югославию в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. и подъем движения Сопротивления нацистской оккупации и коллаборационистским силам привели к обновлению югославской идеи. 29 ноября 1943 г. в г. Яйце участники II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) приняли решение о преобразовании Югославии в федерацию, обеспечивающее полное равноправие народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины. Ближе к концу войны (1944–1945) национально-освободительная борьба стала одновременно интерпретироваться как движение за социальное освобождение и революционное преобразование общественного строя. Победа возглавляемой И. Броз Тито Народно-освободительной армии Югославии означала, что под югославизм подводится мощный базис коммунистической идеологии. При этом активно заимствовался советский опыт (до разрыва между Сталиным и Тито в 1948 г.), включая пятилетнее планирование, курс на форсированную индустриализацию и модель федеративного устройства.

Коммунистический метанарратив формировался еще на этапе партизанской борьбы благодаря ее героизации коммунистической пропагандой. Главный титовский лозунг — «Братство и единство» — можно рассматривать как отражающую западнобалканскую специфику версию риторики пролетарского

интернационализма. Этот лозунг, с одной стороны, говорил о признании особенностей различных этнических групп, но с другой — постулировал их сплочение в борьбе с фашизмом и в деле строительства социализма. Как писал М. Джилас, «...в войну, во время истреблений и кровавой вражды, когда появился этот лозунг, он воздействовал практически, “по-титовски”: во время войны объединение на партийной и югославской основе, а после войны — укрепление федеративного союза и партийной власти» [Джилас, 1972, с. 59].

В рамках югославского метанарратива возглавляемая коммунистами партизанская борьба с оккупантами и коллаборационистами (реальными и мнимыми) обрела статус мифа одновременного освобождения и основания новой Югославии, а сам Тито предстал в сакральном образе революционного, политического и военного вождя, сопоставимом с ролями Ленина и Сталина в советском метанарративе. Неудивительно, что с момента обретения коммунистами всей полноты власти осенью 1945 г. политика памяти стала одним из важнейших приоритетов Тито и его соратников. Эта политика, в частности, была призвана на уровне массового исторического сознания закрепить за коммунистами монополию на руководство антифашистским Сопротивлением и дискредитировать другие антифашистские силы (прежде всего четников Д. Михайловича). Подвигам партизан-коммунистов посвящались художественные произведения и научные труды, фильмы; коммеморация этих событий становилась все более торжественной, по всей стране возводились памятники и монументы. Одновременно с этим увеличивалось количество табуированных тем, в числе которых особенно болезненными были преступления усташистского режима А. Павелича и хорватская государственность во время Второй мировой войны [Нёркен, 2006; Городецкая, 2017].

Важным компонентом югославского метанарратива был подход в отношении национальных языков. Особое значение в этом контексте имела резолюция совещания ведущих хорватских, сербских и боснийских лингвистов и писателей, принятая в г. Нови-Сад в декабре 1954 г. Они заявили о единстве сербохорватского языка и призвали к подготовке и публикации единого свода правил правописания (издан латиницей и кириллицей в 1960 г.) [Pravopis, 1960, s. 9–10]. Предпринятые в 1967 г. действия представителей хорватской интеллектуальной элиты, направленные на отказ от новисадского соглашения, стали триггером подъема хорватского национализма (Хорватская весна) и явным признаком кризиса югославского метанарратива.

В первые послевоенные годы усиление централизованного контроля государства шло рука об руку с процессом формирования наднациональной социалистической идентичности, причем последняя, в отличие от межвоенного периода, была призвана объединить не только южных славян, но и представителей неславянских этносов, проживающих на Балканах. Этому поначалу способствовал и геополитический проект создания Балканской федерации, в состав которой помимо Югославии должны были войти Албания, Болгария, Румыния, а также Греция в случае победы там коммунистических сил. Еще более существенно, что риторика интернационализма была призвана вытеснить из сознания жителей Югославии глубокую травму, связанную с кровопролит-

ной борьбой периода войны и актами геноцида, осуществлявшимися оккупантами и усташами в отношении сербов, евреев и цыган. Жесткое подавление режимом Тито проявлений национализма в первые послевоенные годы в конечном счете было обусловлено стремлением предотвратить акции возмездия за геноцид, которые почти неизбежно взорвали бы хрупкое единство социалистической Югославии.

Национально-территориальная структура нового югославского государства, на первый взгляд, выглядела логичной: шесть территориальных образований — Босния и Герцеговина, Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория — получали статус республик, поскольку рассматривались в качестве национальных очагов автохтонных этносов, тогда как два территориальных образования — Косово и Метохия и Воеводина — получили статус автономных краев, поскольку значительную часть их населения составляли представители этнических групп, чей национальный очаг находился за пределами Югославии. Однако на деле и сам перечень республик и автономных краев, и — в особенности — их границы определялись не в силу глубокого понимания коммунистическим руководством всей сложности межэтнических отношений, а в силу тактических расчетов и компромиссов, направленных на усиление партизанского движения во время Второй мировой войны и обеспечения стабильности нового государства в послевоенный период [Sofos, 1996].

Сербам и Сербии в составе социалистической Югославии отводилась роль, разительно напоминая роль русских и РСФСР в составе Советского Союза. Есть достаточно оснований использовать применительно к положению сербов в титовской Югославии метафору Т. Мартина, назвавшего русских «неудобной» нацией — «слишком большой, чтобы ее проигнорировать, но в то же время и слишком опасной, чтобы предоставить ей такой же институциональный статус, какой был у других крупных национальностей страны» [Мартин, 2011, с. 542]. Сербы были объединены и одновременно разъединены внутренними границами в пределах Югославии, они, по сути, должны были цементировать многонациональное государство, а Сербия служила при этом несущим каркасом, соглашаясь с «недоразвитостью» собственных институтов [Dragovic-Šoso, 2004, p. 173]. Эта модель, однако, сохраняла основания для обвинений в сербской гегемонии, которые в конце концов вновь начали звучать в Словении, Хорватии и некоторых других республиках. В самом деле, к началу 1960-х годов сербы, составлявшие 45% населения Югославии, занимали доминирующее положение в структурах управления: вместе с черногорцами им принадлежало около 84% должностей в государственном аппарате Югославии и около 70% военных постов в Народной армии [История Югославии, 1963].

Конфликт титовского режима со сталинским Советским Союзом и Коминформом, а затем и содержательные новации в разработке модели построения социалистического общества, привели к серьезным изменениям югославского метанарратива. В нем значимое место заняли дискурсы борьбы с советским диктатом, внешнеполитической самостоятельности и неприсоединения, особого пути югославского социализма, основными чертами которого с начала 1950-х годов стали развитие рабочего самоуправления и децентрализация.

Наиболее значимым проявлением последней стало расширение полномочий республик в составе Югославии, которое вкупе с относительной либерализацией режима привело к новой активизации националистических настроений, усилению трений между союзными республиками и осложнению их отношений с центральным правительством в Белграде. В частности, стремление Словении и Хорватии к большей экономической самостоятельности и контролю над доходами (в том числе в иностранной валюте) и относительно сдержанный подход к этим инициативам центрального правительства интерпретировались как преднамеренное сдерживание экономического прогресса наиболее преуспевающих республик в интересах Сербии [Singleton, 1985; Руднева, 2014].

Тито, мечтавший «...увидеть тот день, когда Югославия сольется в единую общность, когда она больше не будет лишь официально единой, но станет сообществом единой югославской нации» [Norbu, 1999, p. 835], столкнулся со сложной дилеммой: с одной стороны, он осознавал, что этнонационализм неизбежно разрушит его мечту, с другой — считал возможным поддерживать экономическую децентрализацию, полагая, что она станет средством преодоления диспропорций между республиками и регионами Югославии и приведет к общему повышению эффективности экономики. Именно в ускоренном экономическом развитии Тито и идеолог реформ Э. Кардель видели основной путь консолидации Югославии, считая в то же время необходимым найти альтернативу советской модели централизованного планирования. Однако дискуссии внутри руководства страны и Союза коммунистов Югославии вокруг проблем экономической децентрализации трансформировались в споры о правах и полномочиях республик и о защите культурной самостоятельности каждой из этнических общин.

Несмотря на то что с начала 1960-х годов термин «югославы» получил официальный статус этнонима, а спустя два десятилетия югославами называли себя более 5% участников переписи 1981 г. (свыше 1,2 млн чел.) [Nacinalni sastav, 1981]⁴, общая фактическая поддержка югославизма стала сокращаться еще на пике политической карьеры Тито. К началу 1960-х годов наиболее активными защитниками югославской идеи, помимо когорты участников партизанской антифашистской борьбы и соратников Тито, оставались представители сербской партийно-политической и культурной элиты. Однако и они осознавали, что безоглядное отстаивание югославизма чревато серьезными издержками для сербской идентичности и интересов Сербии. Эти настроения, вызревавшие подспудно, в конце концов вышли наружу благодаря демаршу известного сербского писателя Д. Чосича на XIV пленуме ЦК СКЮ в мае 1968 г. Чосич, ранее отстаивавший необходимость сильной власти на общегославском уровне вплоть до ликвидации деления страны на союзные республики, заявил на пленуме об угрозе дальнейшего роста антисербских настроений, которые, в свою очередь, породят среди сербов ответную волну антихорватских и антисловенских настроений. Чосич давал понять, что сдержанность сербов в проявлении

---

⁴ Здесь следует учесть, что такую запись в переписи часто делали граждане СФРЮ, родители которых принадлежали к различным этническим группам.

националистических настроений имеет свои пределы [Тоши, 2004, с. 13–24]. В качестве особой угрозы для единства всей Югославии он называл албанский национализм в Косово и давление, оказываемое в этом крае на сербов и черногорцев⁵.

В середине 1960-х (в особенности после снятия с руководящих постов А. Ранковича в 1966 г.) — первой половине 1970-х годов происходила дальнейшая коррекция политики центрального руководства в Белграде, причем она все больше отдаляла официальную трактовку югославизма от варианта, означавшего признание доминирующей роли сербов и Сербии в рамках федеративного государства. Тито в своей интерпретации югославского единства стал по-новому расставлять акценты, фактически признавая нормальной ситуацию двойной идентичности — наднациональной и этнонациональной. Отдавая предпочтение первой, Тито давал понять, что югославизм, в принципе, не несет какой-либо угрозы в отношении этнонациональной идентичности. Подавляя националистические выступления (в том числе Хорватскую весну 1971 г.) и борясь с националистическими уклонами внутри партии вплоть до замены руководства на уровне республик (в некоторых случаях — неоднократно), югославский лидер постепенно склонялся к более компромиссной позиции и готовности учитывать интересы большинства республиканских когорт номенклатуры СКЮ. Кульминационным моментом этих изменений стало принятие в 1974 г. новой Конституции СФРЮ, которая усиливала полномочия республик, а двум образованиям в составе Сербии — автономному краю Косово и автономному краю Воеводина — придавала статус субъектов федерации, практически уравнивая их в правах с республиками. Тем самым политический вес Сербии в составе СФРЮ был искусственно занижен, а сама Югославия после неизбежного ухода из жизни Тито становилась образованием, по типу государственного устройства близким к конфедерации. В известном смысле можно даже говорить о том, что к концу жизни и политической карьеры Тито югославская идея трансформировалась в эвфемизм, прикрывающий кондоминиум республиканских партийных элит.

Однако именно лидерство Тито обеспечивало относительное внутреннее равновесие внутри номенклатурного кондоминиума СКЮ. После его смерти (1980) это равновесие оказалось быстро нарушенным. Пришедшее на смену Тито коллективное руководство погрязло во внутреннем противостоянии, в результате чего посттитовская модель организации федеральной власти была повсеместно дискредитирована. С высокой скоростью шла эрозия югославского метанарратива, прежде всего риторики интернационализма. Связано это было с общим ослаблением централизованного политико-идеологического контроля, снятием многих цензурных ограничений и — в особенности — с ускорившимся поворотом республиканских элит в сторону этнонационализма. С некоторой задержкой эти процессы происходили в Сербии, но и там после избрания в 1986 г. С. Милошевича лидером Союза коммунистов Сербии нацио-

---

⁵ В результате этого давления в период 1961–1981 гг. из Косова уехало 42 % проживавших там сербов и 63 % черногорцев [Никифоров, 2012, р. 81].

налистический крен стал вполне очевидным. Сильное давление на партийные элиты оказывали националистически настроенные интеллектуалы, часть из которых приняли участие в формировании политических структур, отвергавших коммунистическую идеологию. Общеюгославский резонанс имел меморандум 16 членов Сербской академии наук и искусств (1986), отражавший позицию близких к Д. Чосичу деятелей науки и культуры. В меморандуме жесткой критике подвергалась модель социально-политического устройства Югославии, неэффективность самоуправленческого социализма, дискриминация в отношении Сербии и сербов, заложенная в Конституции СФРЮ 1974 г., и албанский национализм. Хотя эта критика не была чем-то принципиально новым, она сыграла роль катализатора процессов, завершившихся распадом Югославии.

События второй половины 1980-х годов сделали распад Югославии необратимым. Но в это время были предприняты разнонаправленные усилия по трансформации югославизма. Одна из попыток была реализована С. Милошевичем и его сторонниками, которые предложили сербоцентристскую версию югославской идеи. В таком виде она была неприемлема для словенских, хорватских, македонских элит, а также боснийских мусульман и хорватов, но позволила сохранить «малую Югославию» в составе Сербии и Черногории до 2006 г. Другая попытка связана с именем хорватского политика А. Марковича, возглавлявшего в 1989–1990 гг. правительство Югославии, а в 1990–1991 гг. — председателя Союзного исполнительного веча Югославии. После XIV (чрезвычайного) съезда СКЮ (22 января 1990 г.), фактически положившего конец существованию Союза коммунистов как общеюгославской политической силы, Маркович создал Союз реформаторских сил, политической платформой которого было сохранение единства Югославии без придания эксклюзивного статуса одной из республик при одновременном проведении глубоких экономических и политических реформ. Реформисты предупреждали о неизбежности насилия в процессе распада Югославии, указывали на высокую экономическую и человеческую цену обособления каждой из республик, однако остановить распад СФРЮ реформисты уже были не в состоянии. Фактически их программа стала не программой спасения страны, а изложением аргументов и выражением чувств, которые сегодня чаще всего характеризуются как «югоностальгия».

ОТ МЕТАНАРРАТИВА К ЮГОНОСТАЛЬГИИ

Разрушение югославского коммунистического метанарратива было важнейшим симптомом и фактором дальнейшей радикализации кризиса социально-политической и федеративной системы СФРЮ. В более широком контексте можно уверенно утверждать, что наличие метанарратива является столь же необходимым условием функционирования коммунистических режимов, как и монополия на власть номенклатуры — того самого «нового класса», который впервые описал М. Джилас [Джилас, 1961]. В руках номенклатуры и ее вождей метанарратив служил инструментом сплочения общности, выступающей базой и основным ресурсом их господства.

Метанарратив играл важнейшую роль в формировании макрополитической идентичности в социалистической Югославии, но при этом не был ей равнозначен. Здесь важно подчеркнуть, что индивидуальная и групповая идентичности не являются гомогенными, они могут включать в себя и этнические, и наднациональные составляющие. Тщетность попыток сформировать «нового человека» исключительно с интернационалистской идентичностью была сравнительно быстро осознана и советским, и титовским руководством. В СССР и СФРЮ метанарратив способствовал формированию и укреплению нескольких типов идентичностей, включая идентичность представителей титульных наций и национальных меньшинств. В самом метанарративе тем или иным образом комбинировались компоненты, относящиеся и к идеологии, и к культурной традиции (иногда практически заново сконструированной в политических целях), и к ценностным предпочтениям. Разрушение метанарратива означало невозможность сохранения его целостности, отмирание многих составляющих, но выживание других компонентов, которые могут сохранять свое значение для тех или иных типов идентичности и, постепенно трансформируясь, передаваться от поколения к поколению.

Это обстоятельство открывало возможность для политического использования сохранившихся элементов метанарратива на этапе посткоммунистического развития. На постсоветском пространстве такие практики получили широкое распространение в России (особенно с начала 2000-х годов), Белоруссии, в меньшей степени — в других независимых государствах, а также в непризнанных сепаратистских образованиях, где использование компонентов метанарратива принимает иногда весьма причудливые формы [Voronovici, 2019].

Примером трансформации компонентов югославского метанарратива и их использования в причудливых формах представляет Сербия. Как мы уже отмечали, с приходом С. Милошевича к руководству Союзом коммунистов Сербии в 1986 г. фактически был осуществлен синтез коммунистической идеологии и сербского националистического дискурса. Этот синтез внес значительный вклад в ускорение распада югославской федерации, но в самой Сербии, а также в Черногории, регионах Боснии и Хорватии с преобладанием сербского населения он был политически функциональным. Сохраняя во многих аспектах титовскую ортодоксию в части политической организации и управления социально-экономическими процессами, новый синтетический нарратив делал упор на виктимизацию сербов, на осуждение систематической и целенаправленной недооценке роли Сербии и сербов в истории Югославии [Stojanović, 2011, p. 224].

Синтетический нарратив способствовал формированию нового баланса сил в Белграде после распада СФРЮ, сохранению политического контроля в руках С. Милошевича и Социалистической партии Сербии, продолжению существования союзного государства в составе Сербии и Черногории (до 2006 г.), легитимации военных операций периода Хорватской и Боснийских войн и Косовского конфликта. Одновременно продолжалось переосмысление исторических событий, имевших большое значение для возникновения социалистической Югославии. Этому служили ревизионистские интерпретации Второй мировой войны сквозь призму сербского национализма и традиционализма, внимание

к преступлениям, совершенным партизанами, создание нового образа четников и обсуждение авторитарного характера режима И. Броз Тито [Stojanović, 2012].

После падения режима Милошевича новая политическая элита воздержалась от кардинального пересмотра националистической программы. Вместе с тем идеологические рудименты прежнего метанарратива, сохранявшиеся в программе перешедшей в оппозицию Социалистической партии, утрачивали свою значимость на общесербском уровне. В то же время публичный дискурс во многом продолжал контролироваться государством. Как и многие секторы экономики, а также Сербский Телеком. Публикация учебников истории отслеживалась Советом по изданию учебников, тесно связанным с сербской политической элитой [Stojanović, 2011, p. 223]. Свободные СМИ занимали маргинальное положение.

Националистический дискурс, в котором присутствовали антиевропейские настроения и неприятие решений Международного трибунала по бывшей Югославии, продолжал развиваться и зачастую определять политическую повестку дня [Stojanović, 2011, p. 232]. Особенно показательны в этом отношении заявления В. Коштуницы и других представителей Демократической партии Сербии о необходимости объединения сербов на антикоммунистической и националистской основе. Популярная после падения режима Милошевича и вплоть до раскола в 2008 г. Сербская радикальная партия осуждала «югославизм» как «историческую болезнь» и считала образование югославянского государства ошибкой. По-прежнему сохранялась тенденция замалчивания участия сербов в руководимом Тито партизанском движении периода Второй мировой войны. В начале 2000-х годов был отменен праздник по случаю восстания против фашистов. Были приняты законодательные меры, уравнивающие в правах партизан и четников. Официально было признано их равноправное участие в сопротивлении фашизму [Govedarica, 2012].

На этом фоне постепенно стали распространяться оппозиционные точки зрения как реакция на гомогенизацию идентичности, развитие которых было осложнено во время дезинтеграции Югославии и в последующий период. Среди них — югоностальгия, допускающая мультикультурные модели. В публичном пространстве активнее обсуждались темы, связанные с возникновением социалистической Югославии. Восстанавливались места памяти, связанные с периодом Второй мировой войны и борьбой с фашизмом, например кладбище освободителей Белграда. В 2014 г. в Белграде прошел военный парад в честь 70-летия освобождения города от фашистов. Некоторым улицам Белграда были возвращены имена советских полководцев, правда не в центре города, а на его окраинах [Govedarica, 2012]. Однако в целом в Сербии югоностальгия проявляется в основном на бытовом и культурном уровне. Например, один из самых посещаемых музеев Белграда — Музей истории Югославии. Есть несколько кафе с югославской и коммунистической символикой, например кафе «Красная банда» в центре сербской столицы. В 2013 г. в Белграде прошла выставка «Хорошая жизнь», посвященная Югославии, о некоторых других проявлениях югоностальгии упоминалось выше.

В политической жизни идеи югоностальгии менее востребованы. Это связано с трагическими событиями, сопровождавшими распад СФРЮ, популярностью националистических идей и реалистической оценкой большинством политиков и населением перспектив восстановления Югославии. Прямое использование югославской темы в политической риторике — редкое явление. В нынешнем политическом контексте Сербии оно не приносит больших дивидендов. Так, в 2009–2010 гг. внук маршала Тито И. Б. Тито объединил разные коммунистические организации в рамках Коммунистической партии Сербии. Эта партия в своей риторике использует позитивный образ Югославии и югославскую тематику. На выборах 2012 г. она не прошла в парламент, а на выборах 2014 и 2016 гг. получила только одно место.

ЮГОНОСТАЛЬГИЯ И ТИТОСТАЛЬГИЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЕРБИИ

Ностальгические настроения существуют у части населения практически всех государств бывшей Югославии [Buric, 2010; Velikonja, 2008; Volčič, 2007]. В частности, по данным Института Гэллапа, в 2017 г.⁶ (Many in Balkans) значительная доля жителей стран бывшей Югославии считали, что распад СФРЮ принес их стране вред, а не пользу. Этот показатель варьируется от страны к стране. Так, этой позиции придерживались 81 % опрошенных в Сербии, 77 % жителей Боснии и Герцеговины, 65 % респондентов в Черногории, 61 % — в Македонии. Противоположную позицию занимали 4 % сербов, 6 % босняков, 12 % македонцев и 15 % черногорцев. Иную картину можно наблюдать в Хорватии и Косово. В первой 55 % населения полагало, что распад Югославии был благом для их страны и только 23 % заняли противоположные позиции (для сравнения: в Словении соответствующие мнения высказали 41 и 45 % респондентов соответственно). В Косово сторонников этих позиций насчитывается 75 и 10 %.

Как и в Сербии, ностальгия по Югославии в других республиках проявляется в повседневной жизни. Это и элементы дизайна, и творчество рок-групп, использующих югославский контекст для своих песен [Volčič, 2007]. Это и символика футбольных команд (например, в Сербии две основные команды продолжают использовать красную звезду как часть своей эмблемы и названия, имеющие социалистическое происхождение, — «Партизан» и «Красная Звезда»).

Тематика, связанная с существованием бывшей СФРЮ, различными аспектами его возникновения, существования и распада, актуальна и для публичной повестки дня в странах Западных Балкан. Апелляция к позитивному или негативному опыту социалистической Югославии используется мнемоническими лидерами для решения разных общественных и политических задач. При этом довольно сложно провести грань между политическим и иным их использованием: неполитические формы влияют на повестку дня и могут привлекаться и часто привлекаются «лидерами памяти» в политических целях. В публичном пространстве югоностальгия преимущественно развивается в виде «ревизионистской ностальгии» [Volčič, 2007], т. е. как тип коммеморации и мобилизации

---

⁶ Было опрошено 1000 жителей бывших республик Югославии.

образа прошлого в ответ на запрос о ревизии официальной интерпретации прошлого и возрождение разделяемого восприятия принадлежности. Связано это в первую очередь с историей дезинтеграции Югославии, военными конфликтами и мобилизацией этничности на разных уровнях общественно-политической жизни.

История публичной демонстрации югоностальгических настроений показывает не только ее ревизионистский характер, но и расплывчатость границ между ее политическим и неполитическим использованием. Одна из первых публичных инициатив в этом направлении относится к 1989 г., когда еще официально существовала СФРЮ. Группа интеллектуалов, среди которых были Д. Угрешич, Д. Кршич и И. Молек, провозгласила себя «югославами», тем самым выступив за сохранение общего наследия сообщества, переживающего дезинтеграцию [Pauker, 2006, p. 73–74]. Их активность во многом шла в унисон с запоздалыми усилиями реформистов во главе с А. Марковичем по сохранению Югославии. Позже эти интеллектуалы опубликовали книгу «Лексикон Ю мифологии», а в 2011 г. соответствующий сюжет нашел воплощение в театральной пьесе.

Различая «позитивный» и «негативный югославизм», М. Великоня отмечает актуальность дискуссий между ними для формирования публичного дискурса всех стран постюгославского пространства. «Позитивный югославизм» основан на ностальгических чувствах, «негативный» — на критике бывшего государства и югославского метанарратива, неодобрительном отношении к югоностальгии и предложениям по усилению межрегионального сотрудничества [Velikonja, 2009]. Значимость противоречий между этими формами восприятия прошлого для политической жизни стран постюгославского пространства подтверждают дискуссии и разногласия в Боснии и Герцеговине относительно референдума в Республике Сербской по поводу ее национального праздника, споры между Косово и Черногорией по поводу границ, множественные инциденты между Загребом и Белградом, послужившие поводом для оценки отношений между этими двумя странами в ряде СМИ как «Балканская холодная война», и другие факты.

Производители позитивной памяти о Югославии и их оппоненты различаются по своим политическим ориентациям. Характеристики, выделенные И. Спасич по отношению к сербским мнемоническим лидерам, могут быть с некоторыми оговорками распространены и на другие страны постюгославского пространства. Согласно ее выводам, позитивное восприятие Югославии характерно для большинства представителей либеральной, проевропейской и космополитической элит, а также для совсем небольшой части националистически настроенных элит [Spasić, 2013, p. 205]. Основная часть националистически настроенной элиты относится к Югославии негативно.

Мнемонические лидеры, придерживающиеся антиюгославских и националистических взглядов, часто связывают идеи интеграции с коммунистической системой. Для характеристики югославского государства они иногда используют термин «тюрьма народов» [Husanović, 2010, p. 101–103]. С момента распада федерации большинство представителей этнонационализма выбирают стра-

тегию отрицания всего югославского, характеризуя его как антинациональное и непатриотическое [Petrović, 2012, p. 127].

Негативное отношение к Югославии часто совмещаются с критикой европейской интеграции. Эта связь, например, отчетливо проявилась в Хорватии накануне референдума о вступлении в Европейский союз. Тогда некоторые политики и общественные деятели выступали с идеей, что ЕС — это новая форма Югославии. Они утверждали, что Загреб освободился от Белграда не для того, чтобы попасть в зависимость от Брюсселя [Rekšć, 2016].

Позитивное восприятие и позитивные оценки социалистической Югославии и событий, связанных с ней, также негомогенны. Исследователи отмечают, что существует не один образ Югославии, а несколько; компоненты югославского метанарратива в них варьируются. М. Великоня определяет дискурс вокруг памяти о Югославии в странах постюгославского пространства как «обширную, многослойную шизофреническую и конфликтную идеологию» [Velikonja, 2012, p. 84]. Для обозначения этого явления используется термин «новый югославизм», который допускает наличие различных противоречивых мыслительных конструкций и образов, а также множество аргументов, исключаящих один другой. Новым это явление исследователь называет потому, что оно характерно в том числе для людей, которые не жили в эпоху доминирования югославского метанарратива.

Наличие нескольких позитивных образов Югославии тем не менее позволяет выделить общие идеи, в той или иной степени нашедшие в них свое отражение. Наиболее привлекательные для рядовых граждан (особенно в сложных социально-экономических условиях) относятся к социокультурной области. Исследователи отмечают такие наиболее распространенные, извлеченные из контекста черты позитивного образа Югославии, как относительно бесконфликтное существование разных народов на территории Югославии, более однородная и солидарная социальная и культурная среда, отсутствие безработицы, общественный порядок, спортивные достижения и ряд других. Яркий пример тому, как эти черты могут использоваться для формирования позитивного образа Югославии, — клип «Yustalgija», созданный хорватским рэпером Прики (Х. Рахмановичем) совместно с режиссером и художником Ф. Филовичем. В нем представлен сценарий развития Югославии в ее прежних границах. Если бы страна смогла обойтись без потрясений и преодолеть конфликты, то сейчас она была бы экономически развитой, политически прогрессивной и богатой в социокультурном плане. Европейский союз был бы более социально ориентированным, а НАТО — более слабой. Основным достоинством такого развития событий было бы сохранение пространства для мирной жизни на большой и разнообразной территории без стереотипов, ярлыков и границ⁷.

Другая идея, лежащая в основе позитивного образа социалистической Югославии, состоит в том, что большие государства имеют больше ресурсов, возможностей и влияния на международной арене. Известный режиссер

---

⁷ Priki — Yustalgija (Official video). URL: https://www.youtube.com/watch?v=V_G5rnllYhM&feature=youtu.be (accessed: 20.12.2017).

Э. Кустурица, например, так объясняет свои югоностальгические ориентации: «Югославия, созданная в 1945 году маршалом Тито, была большим государством. Это была современная и мощная страна. Именно та Югославия сделала Балканы впервые за многие века стабильными. Самое большое сожаление о той Югославии. Она не была ни Востоком, ни Западом. Я тоскую по той стране, с ее распадом, с ее разрывом на мелкие части мы получили нестабильные Балканы, которые всегда были под присмотром разных спецслужб» [Качалин, 2013]. Эта компонента позитивного отношения к Югославии и югоностальгии в некоторой степени опирается на идеи раннего (докоммунистического) югославизма, общности малых славянских народов Западных Балкан. Позитивный образ Югославии нередко совмещается с положительным отношением к европейской интеграции и участию в Европейском союзе [Rekšć, 2016].

Транслируемый рядом политиков и общественных деятелей позитивный образ югославского прошлого отличается сходными чертами, свойственными ностальгическим образам прошлого в целом. Одна из важных характеристик ностальгии — ее селективность, предполагающая обращение лишь к отдельным положительным фрагментам действительности. С помощью их объединения создается «...позитивная, прекрасная история о прошлом (“память минус боль”), которого никогда в таком виде не существовало» [Velikonja, 2009, p. 161]. Другими словами, важными чертами ностальгического дискурса являются комплиментарность и эпизодичность создаваемого образа прошлого [Velikonja, 2008, p. 28]. Такие особенности образа прошлого вполне объяснимы тем, что контуры коллективной памяти определяются деятельностью «лидеров» памяти, которые используют созданные на основе фрагментарного восприятия действительности образы для обеспечения общественной поддержки. Отсюда и другие особенности ностальгии — вневременность и экстерриториальность [Velikonja, 2008, p. 28]. Поскольку ностальгические образы формируют конкретные «лидеры памяти» со своими порой конфликтными интересами, действующие в определенных условиях, ностальгия по прошлому отличается также многозначностью и наличием конфликтных нарративов [Velikonja, 2008, p. 28].

Обращение к позитивному образу Югославии и элементам метанарратива в публичном пространстве происходит в различных формах [Volčič, 2007; Mazzucchelli, 2012]. В данной статье мы остановимся на использовании одной из важнейших составляющих югославского метанарратива — образа И. Броз Тито. В литературе даже используется особый термин — титостальгия.

Титостальгии присущи те же черты, что и ностальгическому образу социалистической Югославии, в частности, как отмечает М. Великоня, деконтекстуализация. В публичном пространстве используется не образ реального человека и политического лидера, а некий собирательный образ. Великоня употребляет термин «новый утопический нарратив» [Velikonja, 2008, p. 130], хотя во многих случаях уместно говорить о новой комбинации дискурсивных и символических компонентов прежнего метанарратива.

Как и социалистическая Югославия, фигура ее лидера И. Броз Тито вызывает неоднозначную реакцию на постюгославском пространстве. В начале и середине 1990-х годов на уровне официальной политики большинства государств

Западных Балкан доминировало стремление вычеркнуть Тито из коллективной памяти. Например, в Сербии были переименованы улицы и населенные пункты, в частности одна из центральных улиц Белграда, носившая имя Тито, и город Титово Ужице (ныне г. Ужице). Известный памятник Тито, находившийся в этом городе, в 1991 г. был демонтирован и перемещен в местный музей. В Хорватии переименован город Титова Кореница (ныне г. Кореница). В родном городе Тито Курмовце в Хорватии памятник югославскому лидеру в 2004 г. был взорван.

Однако эти акции носили ограниченный характер. Так, в Белграде имя Тито сохранили ряд улиц на окраине города. Площадь Маршала Тито в центре Загреб до сих пор так и называется. Часть улицы в центре Сараево носит имя Тито, в этом городе сохранилось много символов, напоминающих о нем. Сохранился и памятник Тито в нынешнем университетском городке Боснии, на территории бывших казарм. Д. Карачич показывает, что уничтожение памяти Тито в Боснии и Герцеговине происходило только на территориях, находившихся во время войны под контролем хорватских военных [Кагаčić, 2012]. Напротив, на территории Республики Сербской места памяти титовских партизан не разрушались. Здесь находится не только парк Козара, но и другие памятные места, связанные с деятельностью Тито и событиями Второй мировой войны. В частности, решающей была битва с фашистскими силами в 1943 г. в долине реки Сутьеска. Мемориальный комплекс «Долина героев» в Национальном парке Сутьеска, который в период существования социалистической Югославии ежегодно посещали около 30 000 человек, продолжает функционировать. В 2011 г. комплекс был взят под охрану ЮНЕСКО. Самый большой из имевшихся памятников И. Тито сохранился по сей день в Словении, он стоит на центральной площади города Веленье. В сербском городе Ужице поклонники Тито выступают за восстановление его памятника на главной площади — Площади партизан. Организация, представляющая бывших партизан SUBNOR, обратилась к президенту Сербии с просьбой вернуть его на прежнее место. Памятник в Курмовце во время взрыва получил незначительные повреждения и был восстановлен.

Каждый год сотни людей собираются у мемориального комплекса в Белграде, мавзолея и музея Тито. Памятные мероприятия, собирающие значительное количество людей, проходят и в Курмовце. В частности, там широко отмечается День молодежи — символический день рождения Тито. Объектом почитания является и построенный в 1946 г. и отделанный ценными породами дерева «голубой поезд» Тито, на котором он путешествовал по стране. Иногда этот поезд совершает ностальгические туристические поездки по столицам бывших союзных республик.

В бывших республиках СФРЮ созданы мемориальные общества И. Броз Тито. Первое было открыто в Хорватии в 1996 г., деятельность его охватывала Загреб и Истрию, где преобладали левые политические настроения. В 2000 г. с их участием был проведен первый праздник в Курмовце. В Боснии и Герцеговине югоностальгические общества связаны с левыми партиями, в частности Лигу обществ Иосипа Броз Тито поддерживает Социал-демократическая партия (СДП), наследница Коммунистической партии Боснии и Герцеговины.

Эта партия имеет наибольшую поддержку в Федерации Боснии и Герцеговины [Kurtović, 2011]. В своей риторике она обращается к позитивным и наиболее успешным аспектам югославского прошлого, игнорируя менее яркие моменты и проявления несправедливости. Другие социалистические и социал-демократические партии страны также демонстрируют поддержку деятельности обществ, посещают памятные социалистические места.

Югостальгические организации фактически превратились в признаваемые политические акторы. Они образуют гражданские ассоциации и вступают в формальные или неформальные союзы с политическими силами, преимущественно левой направленности. Они участвуют в обсуждении событий Второй мировой войны, югославских войн, национальных интересов и обид, политики националистических и антинационалистических партий и многих других вопросов. Участвуя в создании альтернативного образа прошлого, эти организации действуют не в целях реставрации этого прошлого, а для того, чтобы образ прошлого можно было использовать как аргумент для политического будущего [Kurtović, 2011].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Югославский метанарратив оказал значительное влияние на формирование идентичности граждан бывшей СФРЮ, принадлежащих к различным этническим группам. Даже после распада социалистической Югославии, утраты югославским метанарративом целостности и функциональности продолжается использование некоторых его компонентов. Популярность югославской социалистической тематики на бытовом уровне связана в первую очередь с драматическими событиями периода распада Югославии, нынешним сложным социально-экономическим положением отдельных стран и существующими этническими противоречиями. Политическая применимость образов «светлого прошлого» ограничена осознанием невозможности в обозримом будущем реализовать на основе обновленной югославской идеи перспективный политический проект для всего региона Западных Балкан, однако различные компоненты образа социалистической Югославии используются отдельными политическими силами для реализации их политических целей с разной степенью успеха на всем пространстве бывшего СФРЮ.

Отношение к югославскому социалистическому прошлому и его использование в политической риторике в странах Западных Балкан отличается значительной вариативностью. Связано это с особенностями этнических и религиозных размежеваний, ролью бывшей союзной республики в составе СФРЮ, довоенной Югославии и других государственных образованиях, историей получения независимости и последующего развития. Важнейшее значение имеет решение «учредительных» вопросов относительно национальных границ и членства в нации, наличие неудачных или удачных попыток сецессии, а также экономическое положение стран постъюгославского пространства, консолидация демократических институтов, степень интеграции в военные и политико-экономические структуры Запада.

Литература

Городецкая Н. Б. «Сербы» или «югославы»: к вопросу о национальном самоопределении в социалистической Югославии // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2017. № 2 (22). С. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2017.205>

Джилас М. Тито, мой друг и мой враг. Париж: Лев, 1982. 226 с.
История Югославии. Т. 2. М.: АН СССР, 1963. 430 с.

Качалин К. Эмир Кустурица — философские размышления о XX веке и не только // *Международная жизнь*. М., 2013. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9869> (дата обращения: 12.02.2018).

Конституции буржуазных стран. Т. 2: Средние и малые европейские страны. М; Л.: Соцэкгиз, 1936. 664 с.

Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // *Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. тр. / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко*. М.; СПб: Нестор-История, 2018. С. 27–53.

Мартин Т. Империя «положительной деятельности». М.: РОССПЭН, 2011. 542 с.

Никифоров К. В. Сербия на Балканах. XX век. М.: Индрик, 2012. 176 с.

Руднева И. В. Хорватское национальное движение: конец 1960-х — начало 1970-х гг. М.; СПб.: Нестор-история, 2014. 332 с.

Севастьянова Я. В., Ефременко Д. В. Прошлое и будущее в советском метанарративе: взаимосвязь национального и наднационального // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. С. 38–56.

Тосић Д. Косово. Београд: Новости, 2004. 281 с.

Art D. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.

Bulatović M. *Struggling with Yugoslavism // Ideologies and National Identities: the Case of twentieth Century Southern Europe/ eds J. Lampe, M. Mazover*. New York: Central European University Press, 2003. P. 254–276.

Burić F. *Dwelling on the Ruins of Socialist Yugoslavia: Being Bosnian by Remembering Tito // Postcommunist Nostalgia / eds M. Todorova, G. Zsuzsa*. N.Y., Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 227–243.

Dragović-Šoso J. *Rethinking Yugoslavia: Serbian Intellectuals and the “National Question” in Historical Perspective // Contemporary European History*. 2004. Vol. 13, no. 2. P. 170–184. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777304001638>

Gill G. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011, 356 p.

Govedarica N. *Zemlja nesigurne prošlosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011 godina // Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990 godine*. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomске studije (ACIPS), 2012. P. 163–234.

Höpken W. *Zwischen nationaler Sinnstiftung, Jugoslawismus und “Erinnerungschaos”: Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Serbien im 19. und 20. Jahrhundert // Österreichische Osthefte: Sonderheft Serbien und Montenegro*. Wien, 2006. S. 345–391.

Husanović J. *Između traume, imaginacije i nade. Kritički ogledi o kulturnoj produkciji i emancipativnoj politici*. Beograd: Fabrika knjiga, 2010. 210 p.

Jusić T. *Medijski diskurs i politika etničkog sukoba. Jugoslovenski slučaj // Intima javnosti. Okviri predstavljanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, fim / ed. by G. Đerić*. Beograd: Fabrika knjiga, 2008. P. 40–63.

Kansteiner W. *Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory*. 2002. N 2. P. 179–197. DOI: <https://doi.org/10.1111/0018-2656.00198>

Karačić D. *Od promoviranja zajedništva do kreiranja podjela Politike sjećanja na parti-zansku borbu u Bosni i Hercegovini nakon 1990. godine // Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Her-*

cegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije (ACIPS), 2012. P. 17–90.

Kurtović L. Yugonostalgia on Wheels: Commemorating Marshal Tito across Post-Yugoslav Border // Newsletter of the Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies. Berkeley, 2011. No. 2. P. 2–13, 22, 23.

Many in Balkans Still See more Harm from Yugoslavia Breakup / GALLUP. URL: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (accessed: 10.02.2018).

Mazzucchelli F. What Remains of Yugoslavia? From the Geopolitical Space of Yugoslavia to the Virtual Space of the Web Yugosphere // Social Science Information. New York, 2012. Vol. 51. P. 631–648. DOI: <https://doi.org/10.1177/053901412456781>

Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Knjiga I. Beograd: IŠP “Savremena administracija”, 1981, 441 p.

Norbu D. The Serbian Hegemony, Ethnic Heterogeneity and Yugoslav Break-Up // Economic and Political Weekly. 1999, 3–9 April, no. 34 (14), P. 835

Pauker I. Reconciliation and Popular Culture: A Promising Development in Former Yugoslavia? // Local-Global: Identity, Security, Community. 2006. No. 2. P. 72–82.

Petrović T. Jugoslovensko nasleđe i politike budućnosti u postjugoslovenskim društvima. Beograd: Fabrika knjiga, 2012. 211 p.

Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika s pravopisnim rječnikom. Zagreb: Matica hrvatska; Novi Sad: Matica srpska, 1960. S. 9–10

Rekšć M. Post-Yugoslav Collective Memory between National and Transnational Myths // Polish Political Science Yearbook. 2016. Vol. 45. P. 73–84.

Singleton F. A Short History of the Yugoslav People. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 256.

Sofos S. Culture, Politics and Identity in Former Yugoslavia // Nation and Identity in Contemporary Europe/ eds B. Jenkins, S. Sofos. London: Routledge, 1996. P. 235–266.

Spasić I. Kultura na delu. Društvena transformacija Srbije iz burdijeovske perspektive, Beograd: Fabrika knjiga, 2013. 318 p.

Stojanović D. Noga u vratima: prilozi za politicku biografiju Biblioteke XX vek. Beograd: Bibl. XX vek, 2011. 296 p.

Velikonja M. Lost in Transition // East European politics and societies. 2009. Vol. 23 (4). P. 535–551. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325409345140>

Velikonja M. ROCK'N'RETRO. Novi jugoslavizam u savremenoj slovenačkoj popularnoj muzici // Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture/ eds V. Perica, M. Velikonja. Beograd: Biblioteka XX vek, 2012. P. 67–171.

Velikonja M. Titostalgia: A Study of Nostalgia for Josip Broz. Ljubljana: Peace Institute, 2008. 146 p.

Volčič Z. Yugo-nostalgia: Cultural Memory and Media in the Former Yugoslavia // Critical Studies in Media Communication. London: Routledge, 2007. Vol. 24 (1). P. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.1080/07393180701214496>

Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. 2019. Vol. 65 (4). P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>

Ефременко Дмитрий Валерьевич — д-р полит. наук; efdvdv2015@mail.ru

Мелешкина Елена Юрьевна — д-р полит. наук; elenameleshkina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 12 сентября 2019 г.;

рекомендована в печать: 15 ноября 2019 г.

Для цитирования: *Ефременко Д. В., Мелешкина Е. Ю.* Югославский метанарратив и современная югоностальгия в странах Западных Балкан // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16, № 1. С. 78–100. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105>

YUGOSLAV METANARRATIVE AND CONTEMPORARY YUGONOSTALGIA IN WESTERN BALKAN COUNTRIES

Dmitry V. Efremenko

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
50/21, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation; efdv2015@mail.ru

Elena Yu. Meleshkina

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
50/21, Nakhimovsky pr., Moscow, 117997, Russian Federation;

MGIMO (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs
76, pr. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation; elenameleshkina@yandex.ru

The article discusses the features of the Yugoslav metanarrative and its transformation, the activities of mnemonic actors in its formation and the use of its individual elements after the collapse of the SFRY. As an analytical tool, the concept of a metanarrative is used, which is understood as the mechanism for translating ideological elements of the past into everyday reality and representing norms and values that are constitutive for the political regime using a certain set of symbolic means. Like the metanarrative in the former USSR, the Yugoslav metanarrative was aimed at achieving a high degree of political and ideological control of public opinion or at replacing it with directive ideological principles. Within the framework of this model, social communication and public debate cannot fully fulfill the function of developing national identity and forming new frames for interpreting political problems. The metanarrative contributed to the formation and strengthening of several types of identities, including the identity of representatives of the “titular nations” and ethnic minorities. The destruction of the metanarrative meant the impossibility of maintaining its integrity, the withering away of many components, but the survival of other components, which can retain their significance for certain types of identity. The article shows how the activity of mnemonic leaders of the republics of the former SFRY, in the formation and reproduction of a positive or negative perception of the past, affects the formation of various competing projects of national identity and their configuration in the present. The features of Yugonostalgia that determine the possibility of their use by various political forces in their interests are revealed. It is concluded that the variability of the attitude to the Yugoslav socialist past and its use in political rhetoric in the countries of the Western Balkans is primarily due to the peculiarities of ethnic and religious divisions, the role of the former union republics as part of the SFRY, pre-war Yugoslavia and other state entities, the history of independence and subsequent development.

Keywords: metanarrative, socialist Yugoslavia, memory policy, Yugoslavism, new Yugoslavism, Yugonostalgia, titostalgia, symbolic politics.

References

Art D. *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 231 p.

Bulatović M. *Struggling with Yugoslavism, Ideologies and National Identities: the Case of twentieth Century Southern Europe*. Eds J. Lampe, M. Mazover. New York, Central European University Press, 2003, pp. 254–276.

Buric F. *Dwelling on the Ruins of Socialist Yugoslavia: Being Bosnian by Remembering Tito, Postcommunist Nostalgia/* eds M. Todorova, G. Zsuzsa. New York, Oxford, Berghahn Books, 2010, pp. 227–243.

Constitutions of Bourgeois Countries. Vol. 2: Middle and Small European Countries. Moscow; Leningrad, 1936, 664 p. (In Russian)

Cosic D. *Kosovo*. Beograd, Novosti Publ., 281 p. (In Serbian)

Đilas M. *Tito, my Friend and my Enemy*. Paris, Lion Publ., 1982. 226 p. (In Russian)

Dragovic-Šoso J. Rethinking Yugoslavia: Serbian Intellectuals and the “National Question”, Historical Perspective, *Contemporary European History*. 2004, vol. 13, no. 2, pp. 170–184. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0960777304001638>

Gill G. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 2011, 356 p.

Gorodetskaia N. B. “Serbs” or “Yugoslavs”: on the issue of national self-determination in socialist Yugoslavia. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2017, no. 2 (22), pp. 63–76. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu19.2017.205> (In Russian)

Govedarica N. Zemlja nesigurne proslosti: Politike sećanja u Srbiji u periodu 1991–2011 godina, *Revizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990 godine*. Sarajevo, Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije (ACIPS), 2012, pp. 163–234.

History of Yugoslavia. Vol. 2. Moscow, AN SSSR Publ, 430 p. (In Russian)

Höpken W. Between national sensmaking, Yugoslavism and “chaos of memory”: History and memory culture in Serbia in the 19th and 20th centuries. *Österreichische Osthefte: Sonderheft Serbien und Montenegro*. Wien, 2006, S. 345–391.

Husanović J. Između traume, imaginacije i nade. *Kritički ogledi o kulturnoj produkciji i emancipativnoj politici*. Beograd: Fabrika knjiga, 2010, 210 p.

Jusić T. Media Discourse and the Politics of Ethnic Conflict. Yugoslav case. *Okviri predstavljanja, narativni obrasci, strategije i stereotipi konstruisanja Drugosti u upečatljivim događajima tokom razgradnje bivše Jugoslavije: štampa, TV, fim*. Eds G. Đerić. Beograd, Fabrika knjiga, 2008, pp. 40–63. (In Serbian)

Kachalin K. Emir Kusturica — Philosophic Thinking about 20 Century and not only, *Mezhdunarodnaia zhizn'*. Moscow, 2013. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/9869> (accessed: 12.02.2018). (In Russian)

Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*, 2002, no. 2, pp. 179–197. DOI: <https://doi.org/10.1111/0018-2656.00198>

Karačić D. From promoting community to creating divisions of the Politics of Remembrance for Partisan Fighting in Bosnia and Herzegovina after 1990. *Re:vizija prošlosti. Politike sjećanja u Bosni i Hercegovini, Hrvatskoj i Srbiji od 1990. godine*. Sarajevo: Asocijacija Alumni Centra za interdisciplinarne postdiplomske studije (ACIPS), 2012, pp. 17–90. (In Serbian)

Kurtović L. Yugonostalgia on Wheels: Commemorating Marshal Tito across Post-Yugoslav Border. *Newsletter of the Institute of Slavic, East European, and Eurasian Studies*. Berkeley, 2011, no. 2, pp. 2–13, 22, 23.

Malinova O. Memory Politics as a Field of Symbolic Politics. *Metodologičeskie voprosy izučeniia politiki pamiatī*. Eds A. Miller, D. Efremenko. Moscow; Sankt-Petersburg, Nestor Istoria Publ., 2018, pp. 27–53. (In Russian)

Many in Balkans Still See more Harm from Yugoslavia Breakup. *GALLUP*. URL: http://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx?utm_source=alert&utm_medium=email&utm_content=morelink&utm_campaign=syndication (accessed: 10.02.2020).

Martin T. *Empire of Positive Activity*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011, 542 p. (In Russian)

Mazzucchelli F. What Remains of Yugoslavia? From the Geopolitical Space of Yugoslavia to the Virtual Space of the Web Yugoslosphere. *Social Science Information*. New York, 2012, vol. 51, pp. 631–648. DOI: <https://doi.org/10.1177/053901412456781>

The national composition of the population of the SFR Yugoslavia. Book I. Beograd, IŠP “Savremena administracija”, 1981, 441 p. (In Serbian)

Nikiforov K. V. *Serbia in Balkans. XX century*. Moscow, Indrik Publ., 2012. 176 p. (In Russian)

Norbu D. The Serbian Hegemony, Ethnic Heterogeneity and Yugoslav Break-Up. *Economic and Political Weekly*, 1999, 3–9 April, no. 34 (14), pp. 835.

Pauker I. Reconciliation and Popular Culture: A Promising Development in Former Yugoslavia? *Local-Global: Identity, Security, Community*, 2006, no. 2, pp. 72–82.

Petrović T. *Yugoslav heritage and politics of future in post-Yugoslav societies*. Beograd, Fabrika knjiga Publ., 2012, 211 p. (In Serbian)

Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Bosni i Hercegovini. 2013. Rezultati popisa. URL: <http://www.popis2013.ba/popis2013/doc/Popis2013prvolzdanje.pdf> (accessed: 2.09.2017).

Orthography of Croatian-Serbian literary language with orthographic dictionary. Zagreb, Matica hrvatska; Novi Sad: Matica srpska, 1960, pp. 9–10. (In Serbian / Croatian).

Rekšć M. Post-Yugoslav Collective Memory between National and Transnational Myths. *Polish Political Science Yearbook*, 2016, vol. 45, pp. 73–84.

Republic Census of Population, Households and Apartments 2011 in Republic of Serbia. Beograd, Republicki zavod za statistiku, 2014, 207 p. (In Serbian)

Rudneva I.V. *Croatian National Movement in the End of 1960th – in the Beginning of 1970th.* Moscow; St. Petersburg, 2014, 332 p. (In Russian)

Sevast'ianova Ya. V., Efremenko D.V. Past and Future in *Soviet Metanarrative: Relationship of National and Transnational, Politika pamati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy.* Eds A. I. Miller, D. V. Efremenko. Sankt-Petersburg, European university Press, 2019, pp. 38–56. (In Russian)

Singleton F. *A Short History of the Yugoslav People.* Cambridge, Cambridge University Press, 1985, 256 p.

Sofos S. Culture, Politics and Identity in Former Yugoslavia. *Nation and Identity in Contemporary Europe/* eds B. Jenkins, S. Sofos. London, Routledge, 1996, pp. 235–266.

Spasić I. *Culture at work. Social transformation of Serbia from bourdieuean perspective.* Beograd, Fabrika knjiga, 2013, 318 p. (In Serbian)

Stojanović D. *A Foot in the door: Contributions to the political biography of the 20th Century library.* Beograd, Bibl. XX vek, 2011. 296 p. (In Serbian)

Velikonja M. Lost in Transition. *East European politics and societies*, 2009, vol. 23, no. 4, pp. 535–551. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325409345140>

Velikonja M. ROCK'N'RETRO. New Yugoslavism in contemporary Slovenian popular music, *Nebeska Jugoslavija. Interakcije političkih mitologija i pop-kulture.* Eds V. Perica, M. Velikonja. Beograd, Biblioteka XX vek Publ., 2012, pp. 67–171. (In Serbian).

Velikonja M. *Titostalgia: A Study of Nostalgia for Josip Broz.* Ljubljana, Peace Institute, 2008, 146 p.

Volčič Z. Yugo-nostalgia: Cultural Memory and Media in the Former Yugoslavia. *Critical Studies in Media Communication.* London, 2007, vol. 24, no. 1, pp. 21–38. DOI: <https://doi.org/10.1080/07393180701214496>

Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass. *Problems of Post-Communism*, 2019, vol. 65, no. 4, pp. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1594918>

Received: September 12, 2019

Accepted: November 15, 2019

For citation: Efremenko D.V., Meleshkina E.Yu. Yugoslav Metanarrative and Contemporary Yugonostalgia in Western Balkan Countries. *Political Expertise: POLITEX*, 2020, vol. 16, no. 1, pp. 78–100. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2020.105> (In Russian)